

© 1992 г. ЭО, № 3

А. А. Бородатова, Л. А. Абрамян

АВГУСТ 1991: ПРАЗДНИК, НЕ УСПЕВШИЙ РАЗВЕРНУТЬСЯ

— С праздником вас Преображения!

— Ничего себе праздник...

— Какой заслужили...

Из беседы священника с молодыми защитниками Белого дома в первый день путча.

Эти небольшие заметки не претендуют на то, чтобы всесторонне описать и проанализировать события трех августовских дней в Москве 19—21 августа 1991 г., которые могли перевернуть весь мир, но, к счастью, перевернули прежде всего нас самих. Это всего лишь предварительные наброски, сделанные антропологами, пытающимися осмыслить пережитое сквозь призму своей профессии.

События этих трех дней сегодня часто определяют как революцию. Недаром сразу же после них, когда еще не полностью были разобраны баррикады, в Музее революции организовали экспозицию «Август 1991», тем самым уже приобщив августовский феномен к «славной революционной традиции» страны. Однако несмотря на то, что происходившее в эти дни многими было воспринято как военно-патриотическая акция или растянувшаяся на несколько дней политическая демонстрация, пережитое в дни путча выводило случившееся за рамки обычных политических выступлений и вводило его в сферу праздника — в самом широком смысле этого понятия.

Интересно, что постоянные участники политических демонстраций, ядро августовского противостояния, меньше склонны выделять события трех дней из ряда прошлых политических выступлений. Для них лишь день победы — бесспорный праздник. Однако все предшествовавшие массовые митинги давали их участникам в лучшем случае чувство радостной приподнятости и солидарности. Совершенно иное чувство единства испытывали все собравшиеся у Белого дома и все соперничавшие им. Это единение было вызвано ощущением общей опасности, чувством страха, который проходил, когда все были вместе, исключительным внутренним напряжением, которое не мешало и даже способствовало взрывам веселья, наконец, возмущением и готовностью к самопожертвованию. Многие, вспоминая пережитое и называя свое состояние эйфорией, не могут даже описать его словами, так как ощущали себя тогда буквально вне времени, а присутствие других не просто усиливало чувство единства, а сообщало ему новые качества, впрочем, другие не воспринимались как чужие: рядом стояли друзья и единомышленники. Хорошим свидетельством этого особого чувства может служить то, что целые группы активных участников и после победы над путчем долго не желали покидать место, где они пережили его, а некоторые из них, большей частью молодежь, решили впредь всегда быть вместе. Можно сказать, что народ, в течение десятилетий лишенный праздничной жизни, с трудом расстается с пережитым вдруг истинным праздником. Показательно, что

С. Панарин, размышляя о роли народа в эти дни, широко использует именно понятие «народный праздник»: интуиция историка позволила ему верно заметить, что «не только результат борьбы, но и само противостояние были и делом народа, и его праздником»¹.

В этих заметках мы хотели бы выявить некоторые структурные особенности восстания против хунты, проследить, каким законам подчинялись и каким образом оформлялись совместные действия народа, собравшегося по внутреннему порыву и испытывшего особое чувство единства. Мы попытаемся показать, что в эти дни действительно состоялся праздник, хоть он и не успел полностью развернуться. Заметим с самого начала, что этот праздник — нечто возникшее стихийно, а не разыгрываемое сознательно. Видимо, именно поэтому многие представители демократического ядра, совершающие свои политические акции максимально осознанно, не углядели внезапно проявившегося архаического явления, подчиняющегося своей логике и своим законам.

Три дня «праздничного действия» — это, конечно, условный срок (правильнее говорить о шести днях — от начала путча до дня похорон жертв-героев). Но к нему уже никак не отнесешь праздник города Москвы 31 августа, который был типичным мероприятием, организованным сверху, а не тем стихийным народным праздником снизу, который нас здесь интересует.

Три дня — это, конечно, слишком короткий срок, чтобы народ, собравшийся для защиты своего законного правительства, успел создать особые ритуалы, а драматические события этих дней успели обрасти мифами. События разворачивались так стремительно, что осмысливаться, ритуализироваться и мифологизироваться они будут еще долгое время постфактум. Для возникновения ритуально-мифологических систем, как известно, требуется значительно более длительное время. Тем не менее процесс мифологизации уже начался. К примеру, факт присутствия на баррикадах М. Ростроповича уже породил историю явно фольклорного характера (вне зависимости от того, имел место на самом деле данный разговор или нет): один из охранников Белого дома заснул на плече музыканта, державшего его автомат. Проснувшись солдат Ростропович сказал: «Вы доверили мне ваше оружие, теперь я могу доверить вам свою виолончель». Фотография известного музыканта, где он держит автомат дулом вниз наподобие виолончели и водит стеблем гвоздики вместо смычка, экспонировавшаяся в Музее революции, продолжает эту тему, внося в нее новые детали.

В ритуальном плане, опять же постфактум, уже после церемонии похорон, место, где пролилась кровь, было превращено в новый сакральный центр, место паломничества, которое охранялось пикетчиками, заблокировавшими самую оживленную транспортную магистраль Москвы. Участки асфальта, на которые пролилась кровь, предполагается перенести в более «сакральное» место, к Белому дому — главному «святилищу», где в ближайшем будущем планируется соорудить памятник жертвам путча (ср. в стихах Ю. Друниной «Белый дом»: «Подумалось, что нет прекрасней доли, чем у подножья храма умереть»²). Вместо снятых пластов уложен красный асфальт — символ пролитой крови.

Есть еще одна причина, почему объект нашего исследования не успел полностью развернуться в праздник. В эти дни людей объединило прежде всего общее чувство опасности и необходимости обороны от общего врага — стереотип, глубоко заложженный в русской культуре («народ, поднявшийся на защиту Родины в трудную минуту», «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой» и т. д.). С одной стороны, необходимость военной защиты резко убыстряет консолидацию людей (и здесь трех дней вполне достаточно), но, с другой стороны, она в то же время тормозит возникновение тех праздничных явлений, которые всегда порождаются самоорганизующимся массовым народным собранием (именно такое собрание, резко отличное от толпы, и является генератором ритуально-мифологического слоя культуры). В других случаях сплочение народа происходило в мирных условиях (например, в Ереване в феврале 1988 г. или в Вильнюсе осенью того же года) и праздник успевал состояться. Когда же возникала

необходимость военно-патриотических акций, то народ совершал их, уже будучи сплоченным. В Москве ситуация была обратной, и праздник в силу указанных причин в полном виде так и не состоялся. И все же целый ряд важных признаков, присущих празднику, проявился в эти дни.

До сих пор мы говорили о празднике в самом широком смысле, апеллируя прежде всего к чувствам, которые испытывали его участники. Попытаемся теперь рассмотреть недавние события через призму структурных особенностей, которые присущи всякому архаическому празднику³.

Такой праздник — неперенное соединение всеобщей радости и всеобщего горя, реальной или символической смерти. Другая его особенность — это переворачивание, снятие или ослабление во время него основных и второстепенных противопоставлений, организующих структуру данного общества. Для средневековой Европы, например, это были, как показал М. Бахтин, иерархические верх и низ, король и шут, которые менялись местами во время карнавала. Для общества австралийских аборигенов — дуальные половины и соотносимые с ними признаки, которые также менялись местами или не различались во время праздничных церемоний. Один из авторов настоящей статьи попытался сопоставить с архаическим праздником массовые митинги в Ереване, проходившие в 1988 г. в течение девяти месяцев. Во время этого своеобразного праздника также вдруг оказались снятыми или перевернутыми основные оппозиции, присущие социальной структуре современного Еревана. Этими оппозициями были: горожанин — сельчанин, армянский язык — русский язык, мужчина — женщина, старший — младший, водитель — пешеход, здоровый — инвалид и др.⁴

Какие же из важных признаков праздника проявились в августовских событиях в Москве? Какие противопоставления характерны для сегодняшней столицы и оказались ли они снятыми во время народного бунта против хунты? То есть имеем ли мы основания утверждать, что в эти дни действительно состоялся праздник?

Один из важных признаков праздника — это число и состав его участников. В нашем случае стабильное ядро участников, т. е. тех, кто в течение трех дней находился постоянно у Белого дома в оцеплении и на баррикадах, доходило, по приблизительным оценкам, до 15 тыс. человек. Однако общее «подвижное число» людей, в разное время приходивших к дому правительства, несомненно, было в десятки раз выше. А если учитывать также людей, косвенно вовлеченных в события, даже только мысленно поддерживавших защитников, то фактическая цифра участников становится огромной. Это отмечалось многими⁵. Важно подчеркнуть, что вопреки распространенному мнению среди защитников и манифестантов у Белого дома были представлены все социальные слои и группы населения. Помимо демократического ядра, т. е. тех, кто давно уже определился в своем отношении к законному российскому правительству, сюда пришли и те, кто в свое время также голосовал за его главу — Бориса Ельцина, но кого никак нельзя причислить к интеллектуально-демократической элите. Они пришли, повинувшись некоему не до конца осознанному патриотическому чувству. По справедливому замечанию Панарина, здесь был действительно представлен народ во всей своей социальной многоликости и, более того, живое кольцо вокруг Белого дома «оказалось исключительно репрезентативной выборкой»⁶. Даже погибшие оказались представителями трех различных социальных групп: архитектор, предприниматель и рабочий. Любопытная деталь: некоторые манифестанты со стажем — из демократического ядра восстания — не замечали людей из социальных низов. В своих новых соратниках они видели, очевидно, лишь политических единомышленников — недаром именно демократы расценивали три дня противостояния как растянувшуюся политическую демонстрацию. В любом случае все слои общества, представленные у Белого дома, как мы говорили вначале, составляли нечто единое, спаянное благодаря общему эмоциональному подъему, причем это целое качественно отличалось от отдельных своих состав-

ляющих: так несоединимые в обычных условиях вещества образуют при высоких температурах сложные химические соединения.

Итак, основная предпосылка для того, чтобы народный праздник мог состояться, имела место — народ здесь присутствовал, причем во всей своей многоликости.

Баррикады — этот символ революционной традиции — озаменовали резкое разграничение (уже и в пространственном коде) оппозиции «мы — они». Эта оппозиция существовала и раньше, более того, именно она побуждала людей выходить на политические демонстрации, чтобы противопоставить свое «мы» классу «они», куда входили все те, кто противоборствовал демократическим преобразованиям. Теперь «они» сузились до хунты и их сообщников. Очень скоро этот класс вновь расширился, приняв в себя всех коммунистов, а сразу вслед за победой над путчем — чуть ли не всех тех, кто не был на баррикадах (вскоре это едва не вылилось в настоящую «охоту на ведьм»). Это наиболее универсальная оппозиция, и ее трансформации прослеживались в той или иной мере и в других случаях массовых выступлений. Нас же больше интересует класс «мы», поскольку именно в его среде состоялся праздник единения.

Другое важное противопоставление — это оппозиция между народом и властью. В рассматриваемые дни эта оппозиция окончательно оформилась, вернее, она распалась на две парные оппозиции, в одной из которых народ оказался слит со своей высшей властью — парламентом России, а в другой — еще более противопоставлен высшей союзной власти в лице хунты со всеми структурами, с нею отождествляемыми: коммунистической партией, различными организациями и лидерами вплоть до полоненного президента. Внезапный всплеск верноподданничества, окончательно оформивший указанную оппозицию, и заставил народ прийти к Белому дому и отстаивать его, причем не только тех, кто давно уже сделал свой демократический выбор, но и более пассивных в политическом отношении людей, почувствовавших, как уже говорилось, некий патриотический порыв. Распадение оппозиции «народ — власть» на указанные две оппозиции знаменует дальнейшее, видимо, еще не окончательное осознание оппозиции «россиянин — русский (в смысле советский)». Недаром члены хунты вначале сгоряча обвинялись в измене Родине, под которой подразумевалась скорее демократическая Россия, чем тоталитарная советская империя, которую хунта как раз пыталась спасти.

Оказались снятыми и оппозиции, непосредственно зависимые от первой («народ — власть»), например, «народ — милиция»: милиция из послушной приказам сверху и потому пассивно-нейтральной в предшествующий период превратилась в доброжелательную и сочувствующую народу. Отдельные отряды ОМОН (т. е. карателей) открыто перешли на его сторону. Оппозиция «народ — армия», естественно возникшая в условиях чрезвычайного положения и вооруженного противостояния, частично была снята с переходом на сторону восставших нескольких танков и бронетранспортеров, о чем можно судить по ликованию и братанию с экипажами танков, поднявшими трехцветное знамя России. Сам того не осознавая, народ фактически высказался в пользу будущей национальной гвардии, попытки создания которой в других республиках еще вчера он же сам воспринимал в достаточной мере враждебно.

Еще одна важная оппозиция — это «русские — инородцы». Она была снята уже в интернациональном единстве защитников российского парламента. Речь опять же идет о фактической массе участников, включая и весь массив зрителей и сопереживающих (для демократического ядра — демонстрантов со стажем — эта оппозиция, как и другая, россиянин — русский, была снята гораздо раньше, во время предшествовавших митингов). Показательно, что в эти дни шовинистические и антисемитские призывы общества «Память» не находили сочувствующих и не могли собрать людей на митинги.

Следующая оппозиция, занимающая заметное место в обыденном сознании и не раз использовавшаяся силами, близкими по своей идеологии к хунте, это

противоречие между простыми тружениками и предпринимателями. Громадное трехцветное знамя, которое прошло по улицам Москвы в эти дни, было шито на Московской бирже, и несли его деловые люди России. Среди защитников было много парней, которые в обычные дни занимали бы разные полюса рассматриваемого противопоставления. Нам приходилось слышать не раз, что людям бизнеса было что терять, так что, защищая Белый дом или снабжая защитников изысканной бесплатной едой (в полуголодной Москве — осетрина и балык), они боролись за свое существование. Действительно, путчисты специальным пунктом своего указа били в первую очередь по предпринимателям и кооператорам (в «Коммерсанте» за 2.09.91 оцениваются убытки, которые успели нанести исполнители указов хунты за три дня путча). Однако не только соображения защиты интересов двигали деловыми людьми. Они тоже почувствовали себя частью народа и так же, как и все, пережили всплеск патриотических чувств. Поэтому их подношения защитникам стоят в том же ряду, что и пирожки, приносимые к зданию парламента полунищими старушками. Показательно, что во время ереванских митингов в феврале 1988 г. местные кооператоры и разного рода предприниматели также бесплатно раздавали народу еду и минеральную воду. Эта совершенно бескорыстная и даже противоположная их интересам акция была тем не менее приписана центральной прессой темным силам теневой экономики, которым тогда, однако, менее всего были выгодны выступления против коррумпированной высшей власти.

В Москве, когда стало известно, что народ победил и члены ГКЧП арестованы, у стен Белого дома можно было наблюдать своеобразный «пир» и раздачу еды и питья, в изытке приносимых в эти дни защитникам здания. Консервы и сигареты переходили из рук в руки, причем многие из защитников старались снабдить ими присутствовавших при этом стариков.

Дни всеобщей солидарности сняли также оппозицию между кооператорами и их естественными врагами — рэкетирами. По роду своей деятельности будучи связанными с оружием, рэкетирь тут же стали героями непроверенных рассказов об организованных военных акциях. Интересно в этом плане сопоставить «забастовку» преступного мира в дни первых февральских митингов в Ереване, о чем существует особый фольклорный материал (в эти дни действительно было зарегистрировано рекордно малое число преступлений по всей республике).

Можно говорить, видимо, и о снятии оппозиции «старший — младший», так как к Белому дому в эти дни приходило много пожилых и старых людей, до этого, как правило, не принимавших участия в политических демонстрациях. Всеми было отмечено, что впервые в народном выступлении приняла массовое участие молодежь. Отчасти это объяснялось готовившимся указом члена ГКЧП министра обороны Язова об отмене отсрочки призыва студентов в армию. Нужно отметить, что демократическое ядро защитников составляли люди среднего возраста — от 30 до 50 лет. Снятие возрастной оппозиции в дни восстания особенно ярко проявилось во взаимном тяготении и симпатии самых молодых и самых старых.

Оказалась снятой также оппозиция между самым экстравагантным и сумбурным крылом молодежи — панками и их антагонистами. Панки, по природе своей политически неактивная социальная группа, на этот раз выступили против хунты вместе с людьми, по своему социальному положению, убеждениям и внешности противостоящими панкам. О позиции панков говорит плакат: «А если двинут на Россию танки, / Навстречу встанут батальоны панков, / Вооруженные гитарами „Урал“». Интересно, что гитары, при помощи которых панки создают свой особый, отгороженный ото всех мир, здесь превращаются в оружие, призванное защитить не только этот мир, но и всю страну от угрожающего им тоталитарного режима.

Была снята еще одна четко выраженная городская оппозиция: «водитель — пешеход», особенно «таксист — пешеход». В августовские дни водители и даже таксисты, чья невежливость, враждебность и нередко агрессивность всегда от-

мечались пешеходами, с охотой подвозили людей к Белому дому, а с молодых защитников в особой «форме» (голубые полиэтиленовые мешки с прорезанными отверстиями для головы и рук, белые повязки на лбу и рукавах) не брали денег. Видимо, снятие этой оппозиции во время народного праздника вообще типично для современного города: то же самое еще в более массовой форме с еще более ярким знаковым оформлением наблюдалось в Ереване.

Еще одно характерное качество праздника, театрализованность, также не успела проявиться в достаточной мере в эти три дня⁷. Элемент театрализации, вернее маскарадности, здесь все же присутствовал благодаря экстравагантным нарядам и прическам панков и других молодых ребят, налобным повязкам и импровизированным дождевикам, среди которых были упомянутые голубые мешки — «униформа» защитников. Сюда же можно добавить маскарадных казаков в полном облачении, которые неизменно вызывали любопытство, улыбку или добрый смех (например, после речи атамана на одном из митингов у Белого дома). К элементам театрализации же можно отнести и предложение о награждении защитников дореволюционными Георгиевскими крестами, которые сегодня воспринимаются совершенно бутафорски. Любопытно, что известный исполнитель роли Сталина Георгий Саакян захватил с собой на баррикады френч своего киногероя, чтобы, по его словам, поднять дух защитников. Но, почувствовав недостаточную карнавальность атмосферы, актер так и не вынул костюм из своего чемоданчика. Лишь после победы он надел костюм и сфотографировался на фоне баррикады по просьбе корреспондента⁸ (театрализация постфактум). Можно сказать, что театрализованность, карнавальность, подобно костюму актера, остались неразвернутыми во время трех августовских дней.

Праздник уже на второй день, 20 августа, породил ряд плакатов, транспарантов и просто надписей мелом на стенах и заборах⁹. Их условно можно разбить на две категории: первая — обычные политические лозунги, непосредственно реагирующие на путч, типа «Систему — на скамью подсудимых», или констатации, в которых называются члены хунты, типа «Павлов — злобный гад», «Язов — говно». Вторая категория — уже типичный фольклор. Здесь можно найти и частушечный стиль («С нами Ельцин и Кобец, Хунте наступил п...ц!», «Спроси, Горбачев, зама Ивашку, почему тебе, генсеку, наложил в фуражку») и созвучия и каламбуры («Всю хунту на х...!», «Хуже ига Мамаева руководство Янаева», «Не хочу заниматься янизмом», «Горбатого могила исправит», «У-блюдки у корыта» — с изображением путчистов в виде свиней).

Особую подгруппу могут составить плакаты, обыгрывающие имена путчистов, в которых видится в соответствии с универсальной мифологической традицией знамение их судьбы. Так построены лозунги «Крюкова — на крюк» и «На этого бы Пуго Пугачева». Эти два примера особенно примечательны, так как в них осуществлен праздничный «переворот» смысла имени. Если раньше Крюков — глава КГБ — воспринимался согласно мифологической семантике своего имени как тот, кто берет нас на крючок, то теперь он сам становится жертвой своего имени. Сходным образом Пуго, «пугавший» нас раньше своим именем («Пуго, не пугай, мы пуганые», ср. также стишки, фигурировавшие на мартовском митинге 1991 г.: «Президент наш разовый, / Язовым повязанный, / Алкснисом обруганный, / Пуго перепуганный, / Бьется рыбкою в сачке / У Крюкова на крючке»¹⁰), сам становится потенциальной жертвой народного бунта, Пугачева, в имени которого также зашифрована его способность пугать.

Другая группа плакатов играет исключительно семантическими перестройками при помощи замены или добавления одной-единственной буквы. Таковы построения типа «Партию испутчило», «Новый город — Ленингад», «Забыем снаряд мы в тушку Пуго» (вместо «в пушку туго»). Последний плакат появился, как утверждают, еще во время митингов протеста в связи с событиями в Вильнюсе в январе 1991 г. Однако именно в дни противостояния хунте он стал одним из самых популярных — этот каламбур начертан даже на самодельных дубинках, экспонировавшихся на выставке в Музее революции.

Особенно примечательно обращение к образу Емельяна Пугачева. Как и во всей истории развития этого образа в русском фольклоре и литературе, восприятие его двойственно. Это и справедливый народный гнев, вызываемый на угнетателей-путчиков («На этого бы Пуго Пугачева!»), и желание им участи Пугачева-разбойника: «Великолепную восьмерку из шестерок и голкипера Лукьянова — в клетку и на Лобное место!». Пугачевская тема присутствует и неявно — в виде типичного для русской культуры мотива самозванчества. Так, Янаев — типичный самозванец, объявившийся после таинственного исчезновения (мнимой болезни) президента. Его посулы земли (акция, характерная для лжецаря Пугачевского типа — ср. манифесты Пугачева или декреты Ленина о земле) — абсолютно карикатурны и перевернуты: он обещает землю горожанам, а не крестьянам, которые в ней нуждаются (указ № 1 ГКЧП).

Самозванчество лидеров, претендующих на верховную власть, как справедливо заметил Б. Успенский, не было чисто русским явлением, однако ни в какой другой стране явление это не было столь частым и не играло столь значительной роли в истории народа и государства. Мотив самозванчества и неразрывно с ним связанный мотив обретения истинного царя составляли важную отличительную особенность русских народных восстаний¹¹. Оба эти мотива закономерно проявились и в августовском бунте. Победа же над путчем и праздничное единение народа стали возможны не в последнюю очередь благодаря тому, что с самого начала во главе бунта стоял признанный всеми лидер — Борис Ельцин. Возглавив восстание против самозванца-хунты, Ельцин в точном соответствии с этой традицией приобрел черты и атрибуты царя, не лишеного, однако, и некоторых оттенков самозванчества. Впрочем, фольклорные черты царя, которого народ давно ждал, Ельцин начал приобретать еще до восстания. Здесь и значимое имя Борис — «Бориса на царство!» — в лозунге времен выборов российского президента (отсылка к хрестоматийно известному призыву времен коронации Бориса Годунова), и редкие пока матрешки, изображающие русских царей в последовательности: Алексей Михайлович (самая маленькая), Борис Годунов и Борис Ельцин (самая большая матрешка, включающая все остальные) вместо популярной в последние годы серии советских лидеров. Впрочем, и в последнем случае появились длинные серии матрешек — от царей через аллерегию революции (скелет-смерть) до последнего лидера — Ельцина.

Возглавив бунт, Ельцин окончательно приобрел фольклорные черты и атрибуты царя. Многие знаки и совпадения, связанные с его образом, напоминали старинную песню восставших яицких казаков: «Все царя себе искали / И нашли себе царя — / Донского казака / Емельяна Пугача...». В том же ключе работает весь облик Ельцина (стать, голос), его происхождение с периферии, с Урала, где развернулось Пугачевское восстание, бунтарство (он первым из деятелей высшего партийного аппарата восстал против партократии). Можно проследить также, как меняется речь Ельцина, как он становится все более красноречивым (ср. живую поэзию пугачевских воззваний, завораживающую идущих за ним людей, продолжающую завораживать и его исследователей, начиная с Пушкина). В обращении Ельцина к народу после победы над путчем все больше чувствуется величие и ответственность государя. «Слушайте меня, своего Президента» (в одном из интервью по радио), «Простите меня, что не смог защитить, не смог уберечь ваших сыновей» (речь на траурном митинге). Все это создает образ «мужичьего царя», который к тому же нанес сокрушительное поражение путчистам. Даже присутствие среди народа бутафорских казаков как бы усиливает пугачевскую тему¹².

В этот образ, как и в случае с «мужичьим царем» Пугачевым, органически вплетается тема самозванчества. Так, Ельцин взбирается на танк и оттуда обращается к собравшемуся в тревожный час народу, повторяя другого известного самозванца, некогда также вещавшего с броневи́ка. Или несколькими днями позже, после низвержения памятника Дзержинскому, он взбирается на гранитный постамент и оттуда обращается к народу. По слухам, постамент гораздо древнее

поверженного памятника и принадлежал до революции монументу одного из русских царей. Теперь же, после свержения незаконно забравшегося туда карателя, основателя КГБ, на царский постамент всходит предводитель народного бунта. Ельцин, кроме того, происходит из партаппарата, который двойствен по своей природе: это и убийца царской семьи, и породитель монархов-самозванцев типа Сталина. Надо подчеркнуть, что все эти моменты, соотносимые с самозванчеством, появляются вовсе не из-за сознательных действий, лидера, а потому, что образ «мужичкого царя-бунтаря» с неизбежностью приводит в движение и тему самозванчества.

Победное чествование Ельцина во многом может быть соотнесено с ритуалом коронации, близость к которой создается также активным участием в «коронации» духовных лиц, благословляющих его на «трон» — ср. заверения, что он является первым преемником законной власти с февраля 1917 г. После победы уже становятся возможными слова Виктора Токарева: «И когда люди поднялись, они поднялись не на защиту реформаторов и реформ, а с верой в своего -- будет не слишком большим преувеличением сказать — Государя»¹³. Символическое оформление «коронации» — двуглавый орел, пришедший на смену, «победивший» серп и молот, трехцветное знамя, окончательно вытеснившее своего красного соперника — вносит дополнительные штрихи к картине рождения подлинного Государя. И наконец, последний штрих: на митинге у Белого дома в августовские дни вместе с Ельциным выступал Геннадий Хазанов, потешно пародировавший членов хунты, чем вызывал дружный смех защитников: как и полагается, на карнавале рядом с царем — верный шут.

Лучше всего общую атмосферу праздника (в данном случае праздника победителей) передают восторженные слова молодого военного, первым перешедшего со своими танками на сторону восставших, что такое может случиться только в сказке, когда простой солдат стоит рядом со своим президентом, и что только революция дала ему возможность обращаться к народу наряду с тремя великими людьми — Ельциным, Еленой Боннер и Хазановым. В этом перечислении фактически основная социальная и мифологическая структура праздника передается в образе царя, собирательном образе российских демократов и образе карнавального шута — и все это говорится честным и верным царю солдатом. Если добавить, что среди народа у стен Белого дома в эти дни находился и юродивый, «святой человек» с блаженным лицом и в шапке священнослужителя с православным крестом — неперменный персонаж русского народного праздника, то социальный набор участников становится еще более полным.

В противостоянии ГКЧП образ «царя» Ельцина приобрел также мифологические черты Змееборца, поскольку сама хунта сразу же стала ассоциироваться с нечистой силой. Вредитель-хунта, как и ее мифологический прототип, множественна и едина (ср. надпись у Белого дома: «Пугоязы — мрази!...»). На самых разных уровнях обсуждался образ путчистов. Все отмечали прежде всего их одноликость, серость и безобразие, особенно по контрасту с красотой лиц жертв и выразительностью лиц героев, и называли их антилюдьми. В первый же день путча многие утверждали, что хунта не может долго продержаться, так как ее члены явно карикатурны. Мы уже говорили о «перевернутости» указов ГКЧП. Еще одна деталь: при аресте Янаева его не могли добудиться, так как он был мертвецки пьян — ср. сказочного богатыря, спящего непробудным сном после успешного поединка (тогда как главный путчист — богатырь наоборот — спит пьяным сном после провала). Провал путча широко толковали как следствие глубокой бездарности хунты, даже обстоятельства самоубийства Пуго толкуются в том же ключе: «Даже застрелиться не мог по-человечески» (ср. известное высказывание одного сорвавшегося из петли декабриста: «В России даже повесить толком не умеют»). В хунте, кроме множественности и единости, вообще много черт хронического вредителя. Так, на первой ее пресс-конференции задавался вопрос о четности числа членов ГКЧП, о механизме вынесения решений — ведь для процедуры голосования необходимо нечетное число голосующих. Оказалось,

что хунта собиралась выносить свои решения консенсусом, т. е. она изначально мыслила себя как нечто единое, хотя и во многих (сходных) лицах. Число 8 вообще относится к «дьявольским числам», но все же за его незавершенностью проглядывает кто-то еще — девятый, или вернее, первый член. Недаром в уже приводившемся плакате вместе с восьмеркой членов хунты упоминается и Лукьянов — как показали дальнейшие события, не без оснований. Образ хунты как множественной нечистой силы ярко проявился в высказывании одного из защитников Белого дома, продолжавшего стоять на своем посту даже после известия об аресте первых путчистов. Он собирался стоять там до тех пор, пока не арестуют всех членов хунты, так как единственный способ борьбы с ней, по его словам, — отсечение, лучше с кремацией. Если даже один член уйдет, то породит новую хунту. (Ср. с мифологическим множественным противником, которого также можно убить, лишь уничтожив *все* его составляющие.)

Война, объявленная памятникам духовных отцов и предтеч путча, также носит в себе элементы Змееборства. Так, отмечалось, что путч совпал с днем рождения Берии, так что низвержение памятника Дзержинскому, родоначальнику берий, ознаменовало победу еще над одним сонмом нечистой силы. Мы уже говорили, как в народе пошел слух о царском постаменте, на который взошел царь. Низ памятника до сих пор хранит следы «убийства» вредителя — разбитый постамент; верх же отмечен символом победителя — трехцветным знаменем России. Снос памятника Дзержинскому перед зданием КГБ в ночь с 22 на 23 августа стал апогеем праздника. На следующий день народ утолил свою жажду мести, выплеснул накопившуюся разрушительную силу, покрывая пьедестал оскорбительными надписями, срывая с него чугунный герб КГБ с карающим мечом и круша постамент. Имеется мнение, что этим актом «революционного вандализма» народ удержал себя от искушения применить насилие по отношению к хозяевам Старой площади¹⁴.

Завершением праздника можно считать ритуал похорон жертв путча 24 августа, хотя на первый взгляд, похороны могут показаться совсем не праздничным событием. Однако этот ритуал органически входит в праздничную структуру: во всех архаических праздниках с радостью так или иначе соседствует горе, так или иначе присутствует смерть — реальная или символическая (как, например, в обрядах инициации), но смерть всегда как залог возрождения и новой жизни. Похороны трех жертв путча вылились в максимально ритуализованную церемонию. Ритуал явился как бы гранью, отметившей переход от праздничного хаоса к новому порядку. Еще вполне нейтрально, но и вполне определенно в церемонии оказались восстановленными некоторые из снятых прежде противопоставлений. Особенно подчеркивалось, что трое жертв — россияне и одновременно представители разных национальностей: один еврей, второй русский, третий полутатарин-полуукраинец (выделение первого тотчас же повлекло за собой маркирование по национальному признаку двух других).

Устроителями церемонии сначала предполагалось превратить церемониал в символ национально-религиозного компромисса: всех троих сначала должны были отпеть в церкви по православному обряду, предварительно даже не крестив, потом над всеми тремя прочесть кадиш, еврейскую поминальную молитву. Братство по крови должно было быть дважды скрепленным братством по религии. То есть оппозиция «русский — инородец» в этом случае максимально ослаблялась. Однако этого так и не произошло. Двое были похоронены по православному обряду, третий — по иудейскому, причем оба нарушены: отпевают не крестив, еврея хоронят в субботу, что еще раз подчеркивает, что весь церемониал был задуман прежде всего как общественно-политическая акция. Две мелодии поминальных молитв слились у могил, расположенных рядом. Это можно расценить как последнее проявление снятия оппозиции «русский — инородец», однако появление у еврейского гроба, также в нарушение обряда, скрипача — этого символа русского еврейства, окончательно превратило одного из убитых в символ российского инородчества и «неисхода» из России. Так трое молодых россиян через погребальный

ритуал вновь обрели национальную и религиозную маркировку, начисто отсутствовавшую в предшествующие дни.

Как поведут себя другие отмеченные выше оппозиции, покажет будущее. Однако в дни праздника было прочувствовано то, что не скоро забудется его участниками: радостное ощущение единства и братства, раскрепощения личности, взрыв национального самосознания, осознание своего места в истории, обретение утраченного народом достоинства, уважения к власти — все то, что позволило называть эти дни «моментом высшей истины», «днем рождения народа» — настоящим праздником Преображения. Слова, в течение десятилетий служившие пустыми штампами («братство», «честь», «достоинство»), тоже обрели свое истинное значение.

Именно в эти дни и церковь окончательно заняла подобающее ей место в структуре общества: священник теперь не просто участвует в политическом митинге, как прежде, а благословляет защитника перед ожидающимся боем (согласно газетной хронике с места событий), руководит «коронацией» царя-победителя, совершает погребальный ритуал. Показательно, что панихиду по жертвам путча творят главы религиозных общин — патриарх и раввин¹³, а поминание усопших глава русской церкви проводит в главном православном храме России — Успенском соборе Кремля — в присутствии глав российского правительства.

Наконец, последнее, о чем хотелось бы упомянуть в этих предварительных заметках, это то, что народ получил после путча двух царей, из которых он должен уже выбрать истинного. Русское самозванчество и поиски истинного царя получают новое выражение. Конкуренция между двумя лидерами — Горбачевым и Ельциным — продолжается. Горбачев все более воспринимается как царь эфемерной империи, который на глазах начинает терять свое царство, а Ельцин — царь россиян — на глазах это царство приобретает. Это хорошо иллюстрирует карикатура, где громадный Ельцин пожимает руку крошечному Горбачеву со словами: «Добро пожаловать опять к власти, Михаил»¹⁴. Борьба за власть между двумя «претендентами» отражается и в пространственном коде: в день похорон Горбачев выступает с траурной речью на Манежной площади — он впервые вынужден был покинуть высокие официальные трибуны и выйти к народу на площадь его демократических митингов, в то время как Ельцин обращается к народу с трибуны отвоеванного этим же народом «дворца».

Конкуренция двух царей несет на себе печать и другого явления — соединения двух в одном и необходимости соответствия вещи и места: русские начинают осознавать, что они россияне, но смогут ли они освободиться от имперского советского, прочно приросшего к понятию «русский», сможет ли этническое, национальное победить политическое и великодержавное, покажет будущее, которое стремительно становится настоящим.

Москва, сентябрь 1991 г.

Р. С. Прошло уже 5 месяцев. Праздник, который так и не успел развернуться в полную силу, давно завершился. Советский Союз, ради сохранения которого путчисты организовали свой неудавшийся переворот, больше не существует: с ним и его президентом покончили победители, организовав по сути новый переворот. Сейчас вообще трудно оперировать понятиями типа «законный — незаконный», «правый — неправый», «власть — оппозиция», так как пример августовского путча и успешного бунта против него стал некоей моделью поведения, в которой, однако, указанные выше противопоставления выступают довольно произвольно. Например, в Музее революции среди прочих экспонатов было выставлено национальное знамя Грузии, принесенное к Белому дому в августе в знак солидарности грузин с россиянами, восставшими против незаконной

власти путчистов, а в декабре сами грузины-демократы организовали путч против своей законной, правда, тоталитарной власти.

Царь, обретенный в дни противостояния хунте, после праздника потерял, кажется, свои фольклорные качества, вернее, стал выдавать черты другого фольклорного героя, который в минуту опасности преобразуется в могучего богатыря, а в мирное время опять начинает совершать непоследовательные и алогичные поступки.

Праздник давно завершен, но если в традиционном обществе народ после него возвращается к установленному веками порядку обыденной жизни, то после нашего праздника неясно, к чему возвращаться: «старое разрушено, а новое еще не построено». Герои праздника, поднявшиеся благодаря его законам на самый верх, остались там и после праздника, что уже говорит о том, что случившееся в самом деле близко по своей сути к революции. Бескровное свержение президента СССР — бесспорное подтверждение этому. Бывшие участники праздника заняли ныне весь спектр мнений, включая самые отрицательные, относительно той самой власти, которую они недавно столь самоотверженно и бескорыстно защищали.

Две вещи не занимают больше одно место — Россия быстро и решительно вытеснила СССР, и перед ней сразу же встали все проблемы, унаследованные от обеих империй — Российской и Советской, но это уже тема другой статьи.

Январь, 1992

Примечания

- ¹ Панарин С. Дело свободы — праздник народа // Независимая газета. 1991. 11 сент.
- ² Книжное обозрение. 1991. 20 сент.
- ³ См. о нем: Абрамян Л. А. Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983; *его же*. Праздник забытый и вечно живой // Азия и Африка сегодня. 1990. № 1. С. 7—19.
- ⁴ Абрамян Л. Народ на площади // Возрожденная Армения. 1989. № 8—12. С. 18—22; *его же*. Хаос и космос в структуре народных выступлений // Мшакуйт (Культура). 1990. № 2—3. С. 14—21 (на арм. яз.); *Abrahamian L. A. Chaos and Cosmos in the Structure of Mass Popular Demonstrations // Soviet Anthropology and Archeology. Fall 1990. V. 29. № 2. P. 70—86; idem. The Karabagh Movement as Viewed by an Anthropologist // Armenian Review. Summer / Autumn. 1990. V. 43. № 2—3/170—171. P. 67—80.*
- ⁵ См., например, Панарин С. Указ. раб.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Об этой черте праздника см.: Абрамян Л. Ритуал, предтеатр и Театральная площадь // Бем (Сцена). 1990. № 1. С. 7—19 (на арм. яз.); *Abrahamian L. A. Archaic Ritual and Theater: From the Ceremonial Glade to Theater Square // Soviet Anthropology and Archaeology. Fall 1990. V. 29. № 2. P. 45—69.*
- ⁸ Российская газета. 1991. 5 сент.
- ⁹ О плакатах предшествующих политических выступлений см. интересную статью Ирины Стаф и Сергея Зенкина «Гулянья на Манежной. К поэтике московских манифестаций» // Независимая газета. 1991. 11 апр.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Успенский Б. А. Царь и самозванец: Самозванство в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык Средневековья. М., 1982. С. 210. О теме самозванчества в мифологии советских партийных и государственных лидеров см.: Абрамян Л. Перестройка как карнавал // Век XX и мир. 1990. № 6. с. 45—48.
- ¹² См., например, *Borodatova A. Pugachov, o las peculiaridades des motin ruso* (в печати)
- ¹³ Независимая газета. 1991. 31 авг.
- ¹⁴ Панарин С. Указ. раб.
- ¹⁵ Характерно, что Е. Боннер в церемонии похорон усмотрела только политическую сторону этого события (телеинтервью 24 августа).
- ¹⁶ Перепечатка в «Правде» от 31.08.91.

August 1991: the Festival Which Failed to Reach Climax

The events of the three August days of the opposition to the putsch are viewed as a short-lived state of society in a traditional archaic popular festival in its structure and a number of characteristic features. During such festival the distinctive oppositions determining the social structure are removed, weakened or reversed. The authors made an attempt to observe similar changes in the social structure of Moscow during the days of confrontation with the junta. The peculiarities of the «Russian festival» common with the similar political «festivals», which had taken place earlier in the different regions of the country are described in the article as well as its distinctive features. Particular emphasis is put upon the problem of impostor vs. the true tsar. The folklore born in those days (slogans, stories, jokes, etc.) is also analysed.

A. A. Borodatova, L. A. Abrahamian

© 1992 г. ЭО, № 3

А. А. Истомин

РЕВОЛЮЦИЯ, КОТОРАЯ БЫЛА ПРАЗДНИКОМ

За прошедшее время успели сформироваться достаточно одномерные представления о событиях августа 1991 г., основанные преимущественно на политической или житейской оценке этих событий и их последствий. Между тем для августовской «преображенной» революции — как, вероятно, для всякого исторического события подобного масштаба — характерны смысловая многослойность и многоаспектность. В силу этого чисто политологический анализ не исчерпывает содержания происшедшего и должен быть дополнен антропологическим исследованием.

Статья А. А. Бородатовой и Л. А. Абрамяна «Август 1991: Праздник, не успевший развернуться» представляет именно такое исследование, открывающее еще один семантический пласт событий 19—24 августа прошлого года. Ознакомившись со статьей в рукописи, автор этих заметок обнаружил, что многие ее выводы перекликаются с его собственными наблюдениями, и не мог удержаться от соблазна прокомментировать или, скорее, дополнить их работу своими личными впечатлениями, несмотря на их определенную субъективность и неполноту.

В своей значительной части выводы и наблюдения А. А. Бородатовой и Л. А. Абрамяна представляются верными; прежде всего это относится к самой идее выявления архетипа праздника. Вместе с тем некоторые положения статьи достаточно спорны, другие же нуждаются в пояснениях и дополнениях.

Историческая природа явления. При анализе августовских событий авторы ограничиваются сугубо антропологическим подходом. Однако без политологической и социально-исторической оценок понимание происшедшего значительно обедняется, выпадает из общ исторического контекста. Между тем отмеченные в статье явления в значительной мере отражают как некоторые общие социально-политические закономерности, так и политическую специфику августовского путча.

В начале статьи Бородатова и Абрамян фактически ставят в один ряд такие определения событий, как «революция», «военно-патриотическая акция» и «растянувшаяся на несколько дней политическая демонстрация». Однако два последних понятия отнюдь не тождественны революции, а в данном случае необходима четкость определения, ибо революция действительно есть нечто качественно большее, выходящее «за рамки обычных политических выступлений». И в этом